

Размышления над новой книгой

© 1997 г.

А.А. ЗОТОВ

О ФРАГМЕНТАХ ИЗ ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ

ЗОТОВ Андрей Анатольевич - научный сотрудник Института социологии Российской Академии наук.

Среди новых работ по истории социологии книга А.Б. Гофмана "Семь лекций по истории социологии" (М.: Мартис, 1995, 204 с.) выделяется своеобразием жанра и манерой изложения, напоминает сборник социологических эссе Раймона Арона "Этапы развития социологической мысли" [1] построением материала, присутствием сквозных тем и проведением сопоставлений взглядов классиков социологии, хотя в лекциях А.Б. Гофмана отсутствуют попытки строить мысленный диалог между классиками и развернутые характеристики того интеллектуального климата, в котором жил и творил каждый из них.

Рассматриваемые лекции предназначены для учебных целей, однако в них заметно авторское прочтение истории социологической мысли. При первом просмотре книги читатель легко заметит явные различия в широте освещения учений социальных мыслителей "предсоциологического" периода и неравномерность и тематические пробелы в изложении начальных этапов истории социологии. Автор далек от претензии считать свой труд учебником, что ясно из его названия. Кроме того, он предупреждает и о том, что в книге "представлены лишь избранные страницы, несколько фрагментов истории социологии" (с. 3).

Читатели обратят внимание и на особый акцент, сделанный А.Б. Гофманом на творчестве мыслителей Франции: просветителей, социалистов-утопистов, социологов. Крайне мало места уделено социальным мыслителям и социологам Германии. Только во второй лекции представлены Кант, Фихте и Гегель краткими, в несколько строк, характеристиками их социальных воззрений. Эти имена попали в один ряд с другими мыслителями: от античных философов до представителей социологической мысли XIX века. Внимание к немецкой социологической классике ограничено отдельными ссылками: в основном на Ф. Тенниса, М. Вебера, Г. Зиммеля.

Эти предпочтения, по-видимому, объясняются тем особым местом, которое в истории становления социологии как науки по праву принадлежит представителям французской социально-политической мысли XVIII - начала XIX вв. Не случайно А.Б. Гофман подробно прослеживает линию развития, идущую от Гоббса и Монтескье к теории общественного договора Руссо, от нее - к началам социализма и социологии в русле школы Сен-Симона. После констатации того, что термины "социализм" и "социология" "появились в одной и той же сен-симонистской среде", что "соавтором первого был сен-симонист Пьер Леру, а изобретателем второго - сен-симонист Огюст Конт" (с. 34), автор пишет о родстве идей социализма и социологической науки. В дальнейшем часто проводятся параллели между учением Маркса и учениями Конта и

В статье используются результаты исследований, выполненных благодаря поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 96-03-04644).

Сен-Симона в плане методологии, веры в высокое предназначение наук и их широких возможностей, веры в социальный прогресс и т.д. Однако более существенно то обстоятельство, что и Маркс и Конт, каждый по-своему, предприняли попытку создания синтетической теории общества.

Обратимся к началу книги, где обсуждаются общие принципы историко-социологического исследования и ставятся вопросы о предмете и методе социологии. Автор отмечает, что существенным признаком зрелости науки является ее разрастание вширь с выделением относительно автономных ответвлений, направлений, отраслей, в число которых входит сама ее история. В качестве задач для историков науки выступают, по мнению автора, поиски ответов на вопросы: "Что было? Где было? Когда было? При каких обстоятельствах? Почему?" (с. 5).

Но можно ли утверждать, что "задача историка социологии - просто рассказать, как было дело в рассматриваемой им науке"? (с. 5). Во-первых, прошлое - неисчерпаемая тема для исследователей, и не случайно Гете устами Фауста назвал его книгой за семью печатями. Во-вторых, восприятие прошлого историком всегда обусловлено его мировоззрением, на которое оказывают влияние политические и культурные стереотипы, господствующие в данном обществе, либо наоборот, те идеи, которые ведут к их разрушению, и многие другие факторы. Автор сам отмечает этот момент: "Каждая эпоха в развитии социологии по-своему, по-новому интерпретирует, "прочитывает" старые идеи, но при этом, подвергаясь новому прочтению, они все же остаются самими собой" (с. 15).

Для социологии, как и для теоретических наук вообще, вопрос о предмете не может быть решен окончательно, но можно указать признаки, позволяющие считать то или иное знание социологическим, что и делает автор, вводя "онтологические", "эпистемологические", "этические" и "институционально-организационные" критерии.

Мы согласны с тем, что в качестве онтологических критериев выступает общество как "многообразные формы совместной жизнедеятельности, объединений, ассоциаций и взаимодействий людей" (с. 7), но стоило бы также отметить, что этот объект является общим для всех общественных наук, но каждая из них рассматривает общество в особом ракурсе и имеет собственный предмет исследований.

Наряду с понятием "общество" автор при раскрытии "процесса формирования онтологических предпосылок социологического знания" пользуется такой категорией, как "социальная реальность" (с. 19). Он считает, что "социология и ее история начинается с осознания того, что общество людей, группа людей или взаимодействие людей - это специфическая реальность, занимающая особое место в системе мироздания" (с. 7).

Раскрывая суть эпистемологических критериев автор, на наш взгляд, допустил неточность в понимании содержания эпистемологии, назвав ее "наукой о познании" (с. 7). Эпистемология науки (от греч. episteme - знание) не тождественна гносеологии (от греч. gnosis - познание). Имея свою предысторию, эпистемология институционализировалась в начале XX в. как направление в методологии науки, изучающее структуры научного знания и формальные логико-математические аспекты научного метода. После краха неопозитивистской доктрины она стала разделом философии, рассматривающим вопросы природы и логики научного познания, проблемы объективности научного знания и его структуры [2, 3].

Автор рассмотрел проблему отличия научных знаний об обществе от обыденных представлений о нем. При выделении признаков научного знания подчеркивается, что научные факты - "не просто события и явления", но "результат специальной обработки реальности", и что "будучи идеализированными объектами, они являются продуктами таких мыслительных процедур, как **абстракция, идеализация, обобщение, сравнение, классификация**" (с. 8). Поскольку книга рассчитана на широкий круг читателей и студентов, стоило бы в доступной форме познакомить их с проблемой субъективности научного наблюдения социального объекта. Иллюстративным материалом могли бы служить иллюзии неопозитивистов, которые стремились к "очищению" опыта

и к получению "чистых" научных фактов. Этическими критериями названы общие правила поведения, нормы и ценности, разделяемые сообществом социологов, но читателю не вполне ясно, почему речь идет здесь об особой группе критериев социологического знания, а не просто о научной этике вообще. В системе ценностей, которыми руководствуется ученый - социолог, автор выдвигает на первое место "установку на познание как таковое", выступающее "как высшая ценность".

Наконец, институционально-организационные критерии - это признание за социологией статуса науки со стороны общества, в широких научных кругах и на уровне государственных институтов.

Лекция, посвященная Конту, знакомит с новой, свободной от идеологических клише, интерпретацией его учения. Пожалуй, впервые в нашей социологической литературе мы встречаем такое подробное изложение идей Конта, раскрыта интеллектуальная биография Конта.

В историю науки Конт вошел как противник спекулятивной философии - "метафизики", предтеча системных исследований (правда не единственный в XIX в.) и автор классификации наук. Раскрывая эти стороны деятельности Конта, А.Б. Гофман обращает особое внимание на ту из них, где он выступил "пионером социологической мысли".

Конт по сути дела "учредил" социологию. Как пишет автор, Конт называл социологию также "социальной физиологией", "социальной философией" и "социальной физикой". Поставив ее на вершине научной иерархии, соответствующей, по его мнению, иерархии самого бытия, Конт одновременно и возвеличил и обеднил свое детище: "Теоретико-методологическим образцом" в учении Конта служат для социологии естественные науки.

А.Б. Гофман делает вывод о том, что обоснование Контом новой науки было "философским", а не "изнутри" (т.е. оно возникало "извне" - в процессе создания им всей системы классификации наук). Автор лекций показывает, что сам Конт только лишь обосновал возможность появления новой науки, наметил ее контуры и дал ей имя. Это, по мнению А.Б. Гофмана, связано с тем, что "в качестве самостоятельной науки она еще не существовала" (с. 86).

Такое объяснение вряд ли удовлетворит читателей. Оно не дает ответа на вопрос о том, почему к моменту, когда благодаря творчеству Просветителей и событиям Великой французской революции во Франции социальные отношения уже предстали в достаточно обнаженном виде и привлекли внимание многих исследователей (Тюрго, Сен-Симона, Фурье, Токвиля и др.), социология с ее более чем тысячелетней предысторией, в работах самого Конта так и не оформилась в развернутую систему. Иначе говоря, из лекций не ясно, почему Конт остался "лишь у истоков новой науки".

Стоило бы также показать, какое влияние оказала позитивистская установка Конта на его социологические построения. И вообще, критический подход к позитивизму у автора лекций почти отсутствует, что мешает адекватно представить роль первого позитивизма в становлении социологической науки.

Если в отношении к Конту соблюдается принцип историзма (концепция изложена в развитии), то идеи Маркса "выстроены в линейку" и потому, к примеру, приводимая Марксом в ранней работе цитата из Жорж Санд: "Битва или смерть; кровавая борьба или небытие - такова неумолимая постановка" (с. 116) в лекции воспроизводится для того, чтобы представить ее как политическое кредо Маркса. Известно, что во второй половине XIX в. происходило постепенное смягчение политического радикализма Маркса одновременно со смещением его интересов в область политэкономических исследований.

Лекция, посвященная социологии Маркса, в содержательном и в структурном отношении отличается от учебника застойного времени. Уже простое знакомство с наименованиями параграфов ("Штрихи к портрету", "Марксизм, марксизмы и социология Маркса", "Философская антропология. Человек и общество", "Методо-

логия", "Теория социальных систем" и т.д.) настраивает на то, что автором предложено новое прочтение Маркса. Однако, учитывая историко-социологический профиль книги, можно дискутировать по поводу оправданности общей структуры этой лекции. К примеру, на наш взгляд, не вполне логично ставить тему классов и классовой борьбы (§ 9) после рассмотрения темы политической революции (§ 8), поскольку революция в учении Маркса выступает как экстремальная форма отношений между классами. Раздел "Методология" следовало бы "отодвинуть" в начало лекции, чтобы "Теория социальных систем" не была отделена от "Материалистического понимания истории".

А.Б. Гофман указал на те трудности, с которыми встречается исследователь социологии Маркса: на "многозначность, незавершенный характер творчества, полемичность и противоречивость". Однако у студентов должно складываться ясное понимание того, что речь не идет о логической противоречивости работ Маркса, но что противоречивость связана с развитием самой теоретической концепции, становление которой происходило на протяжении всей его активной жизни. Создатели научного социализма далеко не всегда имели время для детальной отработки того необъятного материала, который они стремились охватить и проанализировать. Но нельзя пройти мимо и другой темы: Маркс и XX век, поскольку в наши дни более чем актуально признание, высказанное Энгельсом за год до смерти: "Ирония всемирной истории ставит все вверх ногами" [4].

Говоря о необходимости реконструкции взглядов Маркса, А.Б. Гофман пишет: "... но для того, чтобы эта реконструкция была более или менее адекватной, важно постоянно различать и разделять: 1) доктрину Маркса, или марксизм Маркса, с одной стороны, и марксизм, точнее, марксисты, возникшие после Маркса, с другой; 2) научные и вненаучные компоненты творчества Маркса; 3) внутри научных компонентов: социологические и внесоциологические, относящиеся к другим социальным наукам; 4) социологию Маркса и марксистскую социологию" (с. 96). Данная конкретизация, как представляется, дает возможность выработать правильный подход к изучению наследия Маркса, к выявлению в нем того, что сохраняет непреходящее значение. Однако целевая установка автора лекций - "отделить Маркса - ученого от Маркса - политика, пророка и идеолога" (с. 90) не может быть принята. Действительно, необходимо отграничить научную компоненту в содержании учения Маркса от социальной утопии. Однако разделить Маркса на ученого, с одной стороны, и политика и идеолога - с другой, также невозможно, как если бы мы, к примеру, попытались отделить роман "Война и мир" от духовного мира Л.Н. Толстого.

"Присутствие" личности исследователя в созданной им научной теории (эта черта особым образом отличает общественные науки от наук естественных и роднит их с художественным освоением мира) не может рассматриваться историком науки как некое нежелательное и постороннее явление. Большое значение в работах Маркса, наряду с логической стороной, имеет образность. Образ несет свою смысловую нагрузку, входя в саму ткань повествования и оказывая эмоциональное воздействие на читателей. На этот момент обращал внимание даже В. Парето, во многом не принимающий содержание марксистской концепции: "В художественном отношении не могут не восхитить ... энергия и настойчивость, с которыми Маркс и Энгельс пробивают брешь в капиталистическом строе. Внимание читателя они всегда, хотя и различными путями, обращают на рассмотрение преступлений и пороков этого строя, изображенных в самых ярких красках, но не впадая в декламации. Понемногу читатели приходят к разделению этой антипатии, можно даже сказать, ненависти авторов к этому строю, и все, вплоть до выбора терминов, рассчитано на то, чтобы тот, кто хотя бы на миг поддался этому чувству, не мог повернуть обратно" [5].

У Маркса, — пишет А.Б. Гофман, - "мы встречаем две противоположные тенденции: естественнаучную, характерную для позитивизма как идеологии науки, и противоположную ей, подчеркивающую специфику социологического знания, его отли-

чие от методов и результатов естественных наук" (с. 106). Но можно ли утверждать о наличии у Маркса позитивистской тенденции?

Маркс и Энгельс выразили однозначно негативное отношение к позитивизму Конта. В письме к Ф. Теннису от 24.01.1895 г. Энгельс отмечает факт заимствования научных идей Сен-Симона Контом и сочетание в его системе "ряда гениальных мыслей" с "узким филистерским мировоззрением". Но, может быть, все же (если согласиться с А.Б. Гофманом) есть основания говорить о некоей конвергенции идей Маркса и Конта, или же о том, что Маркс "оступался" в позитивизм?

По мнению А.Б. Гофмана, Маркс, "подобно Гегелю и Конту, верит в существование универсальных и неизменных исторических законов" (с. 105). На наш взгляд, имеет место как раз обратное: в трактовке понятия исторического закона Маркс существенным образом расходился с Контом, т.к. для Маркса неприемлема феноменалистская установка Конта, согласно которой на позитивной стадии в научных законах фиксируются "неизменные отношения последовательности и подобия". В соответствии с диалектическим методом Маркса, который содержит в себе момент релятивизма, научные законы никак не могут рассматриваться как неизменные. Что же касается "пророчеств" у Маркса, то мы бы их назвали скорее прогнозами. Как и любая научная теория, теория Маркса выполняет и прогностическую функцию, поскольку выявляет тенденции общественного развития. Конкретная же картина того, что будет представлять в будущем общество, занимает у Маркса несравнимо меньшее место, чем в учениях социалистов - утопистов, а также у Конта. Другое дело, что намеченная им тенденция к всеобщему обобществлению средств производства в странах "классического" капитализма не реализовалась, а там, где обобществление (точнее говоря - огосударствление) начало проводиться в XX веке, возник феномен тоталитаризма, в отношении к которому автор "Капитала", в отличие, к примеру, от М. Бакунина, не проявил научного предвидения.

Нет никаких оснований рассматривать, как это делает А.Б. Гофман (с. 106) в качестве проявления сциентистской тенденции у Маркса, использование им терминов, заимствованных из естественных наук, поскольку такие понятия, как "общественно-экономическая формация" (не тождественно геологическим формациям), "клетка" (не тождественно биологическим клеткам, т.к. характеризует товарное производство), "социальный организм" и иные, несут совсем другой смысл, выступая элементами теоретической конструкции, раскрывающей закономерности социального уровня. Аналогичные явления нетрудно обнаружить и в иных областях знания¹.

В высказывании Маркса из Экономико-философских рукописей 1844 г.: "Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука" А.Б. Гофман увидел лишь один из примеров суждений, "под которыми подписался бы и Конт и многие другие социологи позитивистской и натуралистической ориентации" (с. 106). Однако почему бы не увидеть в этом фрагменте другое - пример предвидения Марксом интегративных процессов, которыми отмечено развитие наук в XX веке?

За философско-социологическим учением Маркса, которое он называл "материалистическим пониманием истории" в XX веке закрепилось наименование "исторический материализм" (впервые такой термин был предложен еще Ф. Энгельсом в письмах 90-х годов XIX в.). Но дело здесь состоит не только в простом различии терминов, поскольку А.Б. Гофман использует последнее понятие в качестве наименования "одной из теоретических систем, наиболее догматических, замкнутых и претендующих на универсальные объяснения" (с. 103). Эта характеристика прекрасно раскрывает суть идеологической деформации учения Маркса в советский период. Между тем усиление

¹ В учебниках по физике в разделах "электростатика" и "электродинамика" найдем немало понятий, заимствованных из классической механики: сила тока, сопротивление, напряжение, напряженность электромагнитного поля.

нигилистического отношения к Марксу и ко всему, что с ним связано, в постсоветское время, нередко доходящее до полного отторжения его учения, требует отделения его от этого уродливого идеологического "двойника".

Маркс и Энгельс считали, что после Гегеля построение универсальных философских систем становится исторически пройденным этапом, с чем отчасти и связано их негативное отношение к попыткам Конта создать всеобъемлющую и завершенную систему научного знания. Тогда что же означало для самого Маркса материалистическое понимание истории? В работах Маркса редко мы найдем примеры рефлексии по поводу теоретических построений, но все же при внимательном прочтении предисловия "К критике политической экономии", послесловия ко второму изданию "Капитала" и других источников можно заметить, что собственное учение не было для него только "теоретико-методологической позицией или установкой", как сказано в лекциях, хотя и в форме предположения (с. 103). Собственная теория означала для него значительно большее - философскую теорию исторического процесса, не являясь при этом конструированием универсальных систем на манер Гегеля и Конта. Автор справедливо пишет о том, что после смерти Маркса термином "исторический материализм" стали обозначать метатеорию общества у Маркса.

Вопрос о статусе философско-социологического знания у Маркса не теряет актуальности и в наше время, и мы хотели бы сослаться на статью Поповой И.Н. "Был ли Маркс социологом?" [6].

Нельзя согласиться с А.Б. Гофманом, что принципы материалистического понимания истории (постулаты) "метафоричны, многозначны и тафталогичны". Различие в употреблении терминов в работах, таких как "Немецкая идеология" и предисловие "К критике политической экономии" вполне естественно, т.к. их отделяет примерно полтора десятилетия, и за это время отшлифовывались формулировки законов и категориальный аппарат. Попутно отметим, что в лекциях по социологии на наш взгляд не стоит давать специально анализ философских категорий (таких, как "бытие", "материальное", "сознание", и т.д., см. с. 103-104), используя текст "Немецкой идеологии" - этой ранней работы Маркса, что несомненно, обязательно для философских лекций.

А.Б. Гофман повторяет "традиционные", высказанные еще в конце жизни создателя "Капитала" обвинения в экономическом детерминизме. Но посмотрим, действительно ли материалистическая теория Маркса отличается проведением "принципа редукции, сведением духовного к материальному, объяснением всей социальной жизни из материальных ее аспектов" (с. 103).

В сложном и противоречивом историческом процессе, "субстанцией" которого для Маркса выступает производство материальных благ, им выделена основная линия взаимодействий, дополненная исследованием различных аспектов обратного воздействия общественного сознания на общественное бытие, надстройки по отношению к базису. Учитывается и способность теоретического знания в различных его областях: право, политика и т.д. развиваться из собственных основ (относительная самостоятельность теории), роль традиций, обыденного сознания, социальных чувств и т.д. Представляется, что эвристическая ценность марксизма сохраняется и сегодня, несмотря на крушение официального "исторического материализма". Конечно, в ряде вопросов Маркс проявил односторонний подход. В частности, им не учитывается положительная роль религии в сохранении стабильности и нравственных начал в обществе (она для него была прежде всего "опиумом для народа").

Наконец, несколько слов о том, как представлена в лекциях личность Маркса - ученого, политического деятеля и сына своего времени. Справедливо назвав Маркса самым знаменитым и влиятельным социальным мыслителем XIX века, А.Б. Гофман все же не избежал тенденциозности. В лекции он назван "маргинальной личностью" скорее всего для демонстрации того обстоятельства, что Маркс оторвался от своего социального круга. Но мы, если допустимо использовать современную терминологию, скорее назвали бы его диссидентом - интеллектуалом, вынужденным покинуть Родину

и найти для себя пристанище в демократической Англии. Он не готовил революции в тех обществах, в которых он жил, как пишет об этом автор. Не стоит искать в его учении "радикализм и экстремизм, стремление революционизировать все и вся". Напомним, что он не был руководителем важнейших революционных событий и движений XIX в. (кроме "Интернационала" - но это были скорее координирующие, но не организующие функции). Он не являлся членом социал-демократических партий, хотя живо откликался на революционные события. Poleмика с Бакуниным свидетельствует о враждебности Маркса в отношении анархизма и экстремизма.

В лекции о творчестве В. Парето анализируется содержание одной, самой значительной его социологической работы. Этот анализ далек от претензий на всесторонность и полноту. Он не охватывает иных работ Парето, таких, как "Задачи социологии как социальной науки" (1897 г.), "Проблемы социологии" (1899 г.), "О применении социологических теорий" (1900 г.), "Социалистические системы" (1902 г.), "Факты и теории" (1920 г.), "Трансформация демократии" (1921 г.), как и обширной его публицистики. Однако, поскольку объем научного наследия Парето исключительно велик, а его работы вплоть до последнего времени не издавались на русском языке, то не удивительно, что лекция ограничивается рассмотрением "Трактата по общей социологии" (1916 г.), над которым Парето работал в течение 15 лет и который стал научным итогом всей его предшествующей деятельности в области политэкономии и социологии, но содержание "Трактата" мало говорит об эволюции взглядов социолога, как и о том, почему он после долгого периода работы в сфере политэкономии решил обратиться к социологии.

Некоторые факты, объясняющие этот поворот в творчестве Парето, содержатся в биографической части лекции (с. 183-184). Однако этот материал сообщается скупно (если биография Конта заняла 6 страниц, Маркса - 6 страниц, Дюркгейма - 3 страницы, то Парето - всего 2 страницы), хотя изучение его жизненного пути дало бы много ценного для понимания его научного творчества. В лекции отмечается тот факт, что Парето обратился к политэкономии в середине 80-х годов прошлого века, имея за плечами обширный опыт практической работы инженером путей сообщения, начальником железной дороги и крупным промышленником. Однако не сообщается, что, занявшись проблемами промышленной экономики, он отнесся к ним не просто как промышленник, связанный с банками и интересующийся конъюнктурой рынка, но как исследователь, о чем говорят его вступление в Флорентийское научное общество Адама Смита, увлечение работами итальянского экономиста, автора теории крайнего экономического либеризма Густава де Молинари, участие вместе с большой группой экономистов в борьбе за отмену Италией жестких заградительных таможенных тарифов, высоких налогов на производителей и ограничений свободы торговли. Эта деятельность свела Парето с экономистом М. Панталеоми, а через него - с экономистами Лозаннской школы, прежде всего с Л. Вальрасом. Также следовало бы, на наш взгляд, упомянуть о том, что уже в "Курсе политической экономии" (1896 г.) будущий социолог применяет тот же самый логико-экспериментальный метод, который позднее был использован в работе над "Трактатом".

В своем "Трактате" Парето разрабатывает обширную классификацию человеческих действий на основе применения им формально-логического подхода, заключающегося в выявлении в поведенческих актах объективной и субъективной целей и факта наличия либо отсутствия соответствия между ними. Итальянский социолог расщепляет действие на две разные реальности: смысловую и психическую. Первая рассматривается им как подлинная, тогда как вторая является таковой лишь в сознании людей. Обо всем этом А.Б. Гофман рассказывает (стр. 189-190), однако, имеет место ошибочная интерпретация, содержащаяся в утверждении о том, что у Парето "логические действия основаны на рассуждении, нелогические - на чувстве" (с. 190). Если мы внимательно прочитаем главу 2 "Трактата", то увидим, что Парето относит к нелогическим также и инстинктивные действия (более того — это даже чисто

нелогические действия), а они основаны не на чувствах, а на реализации поведенческой программы, которая не осознается.

Каждый из рассмотренных А.Б. Гофманом социологов уделял больше внимания отдельным сторонам противоречивого исторического процесса. Как показал автор лекций, Конт отдавал предпочтение идее консенсуса, также как и Дюркгейм, проявивший ностальгию по органически солидарному человечеству. Маркс и Парето - напротив, рассматривали социальные конфликты, столкновение интересов и классовую борьбу в качестве решающего фактора движения истории. Отношение автора лекций к рассмотренным им социологам и к содержанию их концепций заметно отличается по степени критичности. Наиболее критичен А.Б. Гофман к социологиям Маркса и Парето, критика почти не присутствует в лекции о Конте и ее совершенно нет в лекции о социологии Дюркгейма. Создается впечатление, что симпатии автора оказываются на стороне тех социологов, которые развивают свои теории на основе идеи консенсуса, а не тех, которые придерживаются конфликтной парадигмы.

Отметим однако, что консенсус не всегда может быть достигнут. Эта идея, безусловно, хороша. Но в случае сильного социального расслоения, рождающего социальный антагонизм интересов, в тупиковых и кризисных ситуациях идея консенсуса может оказаться столь же утопичной, как и идея построения коммунизма.

Книга А.Б. Гофмана хороша тем, что она не предлагает окончательных решений, но рождает полемику и прививает студентам навыки самостоятельного мышления; для них история социологии предстает не в образе магистральной линии движения мысли от догадок и прозрений, перемешанных с иллюзиями и заблуждениями, к истинному и полному знанию об обществе, но как "драма идей".

ЛИТЕРАТУРА

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс, 1992.
2. Современная западная философия. Словарь. М.: Политиздат, 1991, с. 395.
3. Коэн Л. Джонатан (Великобритания). Является ли эпистемология науки разновидностью логики или истории науки? // Вопр. философии. 1980. № 2.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 546.
5. Pareto V. I sistemi socialisti. Con pref. di G.H. Bousquet. Torino: UTET, 1951, p. 513.
6. Попова И.Н. Был ли Маркс социологом? Социологический журнал. 1995, № 3, с. 71-86.